

LIETUVOS ISTORIJOS INSTITUTAS

LIETUVOS
ISTORIJOS
METRAŠTIS
2013 metai

2

LITHUANIAN INSTITUTE OF HISTORY

THE YEAR-BOOK
OF LITHUANIAN
HISTORY

2013

2

Vilnius 2014

LITAUISCHES INSTITUT FÜR GESCHICHTE

JAHRBUCH
FÜR LITAUISCHE
GESCHICHTE

2013

2

Vilnius 2014

Žurnalo leidybą finansavo

LIETUVOS MOKSLO TARYBA

NACIONALINĖ LITUANISTIKOS PLĖTROS 2009–2015 METŲ PROGRAMA
Finansavimo sutartis Nr. LIT-7-55

Redakcinė kolegija:

Egidijus ALEKSANDRAVIČIUS
Vytauto Didžiojo universitetas

Jan JURKIEWICZ
Adomo Mickevičiaus universitetas Poznanėje

Zigmantas KIAUPA (pirmininkas)
Lietuvos istorijos institutas

Česlovas LAURINAVIČIUS
Lietuvos istorijos institutas

Ingė LUKŠAITĖ
Lietuvos istorijos institutas

Elmantas MEILUS (pirmininko pavaduotojas)
Lietuvos istorijos institutas

Jolita MULEVIČIŪTĖ
Lietuvos kultūros tyrimų institutas

Rimvydas PETRAUSKAS
Vilniaus universitetas

Edmundas RIMŠA
Lietuvos istorijos institutas

Jolita SARCEVIČIENĖ (sekretorė)
Lietuvos istorijos institutas

Vladas SIRUTAVIČIUS
Lietuvos istorijos institutas

Darius STALIŪNAS
Lietuvos istorijos institutas

Saulius SUŽIEDĖLIS
Milersvilio universitetas

Joachim TAUBER
Šiaurės Rytų institutas Liuneburge

Šio žurnalo straipsnių pavadinimai ir santraukos cituojami duomenų bazėse:

Articles appearing in this journal are abstracted and indexed in:
HISTORICAL ABSTRACTS. AMERICA: HISTORY AND LIFE.
EBSCO Publishing

Recenzijos skelbiamos duomenų bazėje recensio.net
Reviews appearing in this journal are published in recensio.net

PUBLIKACIJA

VLADAS SIRUTAVIČIUS

DOKUMENTAS APIE KOVOS SU „BURŽUAZINIU NACIONALIZMU“ YPATYBES 1950 M.

Publikuojamas dokumentas – LKP (b) CK biuro posėdžio, vykusio 1950 m. vasario mėn. 24 d., protokolo ištrauka. Biure devintuoju svarstytas klausimas „Apie VKP (b) narį drg. Fridmaną“. Berelis Fridmanas nebuvo „partijos eilinis“¹. Jis gimė Kelmėje 1909 m. „prekybininkų šeimoje“². Trumpai, apie metus laiko, studijavo teisę Prancūzijoje, Strasbūre, tačiau dėl materialinių nepriteklių grįžo į Lietuvą. 1931 m. baigė Vytauto Didžiojo universiteto Teisės fakultetą. Kitų metų pradžioje buvo priimtas į LKP³. Buvo Lietuvos raudonosios pagalbos organizacijos (MOPR) Centro komiteto narys. 1935–1936 m. gyveno Sovietų Sąjungoje ir dirbo MOPR Vykdomajame komitete. Antrajame raudonosios pagalbos suvažiavime 1939 m. buvo išrinktas į organizacijos centro valdybą⁴. Tais pačiais metais kooptuotas į LKP Centro komitetą. Už revoliucinę veiklą B. Fridmanas kelis kartus kalintas. 1940 m. išrinktas į Liaudies seimą, kelis mėnesius dirbo Vilniaus apskrities LKP sekretoriumi, vėliau Aukščiausiojo teismo teisėju. Prasidėjus karui trumpai tarnavo

¹ *Lietuviškoji tarybinė enciklopedija*, t. 3, 1978, Vilnius, p. 552; *Lietuvos mažoji tarybinė enciklopedija*, t. 1, 1966, Vilnius, p. 508–509.

² B. Fridmano asmens byla, *Lietuvos ypatingasis archyvas* (toliau – *LYA*), f. 1771, ap. 3, b. 3850, l. 4.

³ Autobiografijoje, datuotoje 1940 12 28, B. Fridmanas rašė: „Mano tėvas buvo sionistas, aš pats augau ir buvau auklėjamas sionistinėje aplinkoje ir iki 18 metų buvau sionistiškai nusiteikęs <...>“, tačiau vėliau ryšiai su sionizmu nusilpo. Galiausiai „sionistinės ir pusiau sionistinės nuotaikos susiliejio manyje su simpatija Tarybų Sąjungai“, ten pat, l. 8.

⁴ *Lietuvos komunistų partijos istorijos apybraiža*, Vilnius, 1978, p. 559.

Raudonojoje armijoje. Nuo 1941 m. lapkričio mėn. tapo LTSR Liaudies komisarų tarybos įgaliotiniu evakuotųjų lietuvių reikalams Uzbekistano, Tadžikistano ir Turkmėnijos SSR. Karui pasibaigus, tęsė darbą Aukščiausioje teisme. Galiausiai 1946 m. partija „pasiuntė“ B. Fridmaną į Vilniaus universitetą. Jis tapo Ekonomikos fakulteto partinės grupės sekretoriumi ir „marksizmo-leninizmo pagrindų“ dėstytoju. Kažin ar tokį karjeros „posūkį“ galima pavadinti paaukštinimu partinėje-biurokratinėje struktūroje⁵.

Archyviniai dokumentai – universiteto partinės organizacijos susirinkimų protokolai – liudija B. Fridmaną buvus gana aktyviu universiteto partinės organizacijos nariu. Jis išsakydavo nuomonę, kuri dažnai skyrėsi nuo universiteto partinio biuro sprendimų. Vienas tokių klausimų, kai B. Fridmano ir partinio biuro bei universiteto vadovybės nuomonės nesutapo, buvo kova su „buržuaziniais nacionalistais“. Apie kelis tokios „kovos“ epizodus LKP (b) CK biure kalbėjo ir pats B. Fridmanas.

Plačiau tų epizodų nekomentuosiu. Juo labiau kad kai kurie kovos su „buržuazinio nacionalizmo apraiškomis“ Vilniaus universitete atvejai, kaip, pavyzdžiui, prof. Igno Jonyno „byla“, mūsų istoriografijoje jau buvo gana išsamiai aptarinėti⁶. Kiek plačiau apie prof. Vytauto Girdzijausko „atvejį“. Jis mūsų istoriografijai praktiškai nežinomas ir gana neblogai apibūdina senosios, tarpukario Lietuvos, profesūros situaciją sovietiniame Vilniaus universitete⁷. Sprendžiant iš studentų pareiškimų, tiksliau, skundų, 1947 m. gegužės mėn. Medicinos fakulteto profesorius V. Girdzijauskas, motyvuodamas tuo, jog studentai rusai nelankė jo paskaitų (paskaitas skaitė lietuviškai), įskaitą jiems, kitaip, nei studentams lietuviams, pareiškė pasirašysiąs tik po individualaus pokalbio⁸. Profesorius taip pat kalbėjo, kad nemokantiems lietuvių kalbos studijas geriau tęsti kituose Sovietų Sąjungos universitetuose, kur dėstoma rusų kalba. V. Girdzijausko „netinkamas elgesys“ buvo svarstomas universiteto partinių susirinkimuose ir specialiame universiteto tarybos posėdyje. Jame buvo nuspręsta, kad toks profesoriaus elgesys gali paskatinti „buržuazinio nacionalizmo nuotaikas“ tarp dėstytojų ir studentų, taigi, yra „politiškai žalingas“⁹. V. Girdzijauskas klaidą pripažino, savo pasisakymą pasmerkė, studentams rusams įskaitą pasirašė ir liko toliau dirbti universitete. Beje, B. Fridmanas partinio susirinkimo metu

⁵ Sprendžiant iš A. Sniečkaus pasisakymo biure, partijos požiūris į B. Fridmaną „pasikeitė“ dar karo metais, kai šis atsisakė vykti į Lietuvą dirbti „pogrindinio darbo“.

⁶ A. Š v e d a s, *Matricos nelaisvėje*, Vilnius, 2009, p. 83–84; V. M e r k y s, *Atminties prošvaistės*, Vilnius, 2009, p. 104–109.

⁷ V. Girdzijauskas (1904–1972) 1930 m. baigė Vytauto Didžiojo universitetą. Priklausė socialdemokratienei jaunimo draugijai „Žiezirba“. Kelerius metus tobulinosi įvairiuose Vakarų Europos universitetuose. 1940–1945 m. sveikatos apsaugos liaudies komisaras. 1944–1957 m. Vilniaus universiteto Mikrobiologijos katedros vedėjas. 1946–1957 m. Eksperimentinės medicinos ir onkologijos instituto direktorius.

⁸ Studentų skundai, 1947, *LYA*, f. 7017, ap. 1, b. 5, l. 17–22.

⁹ Politinis pranešimas LKP (b) CK sekretoriui Kaziui Preikšui ir Vilniaus m. partijos komiteto sekretoriui Čistiakovui, 1947 06 03, ten pat, f. 1771, ap. 10, b. 563, l. 8.

V. Girdzijausko poelgį pavadino „tūžmingu buržuaziniu nacionalizmu“, kitame – kritiko Vilniaus m. partijos komitetą, kad šis tam faktui skyres nepakankamai dėmesio¹⁰. Įdomumo dėlei pastebėsiu, jog apie V. Girdzijausko „netinkamą poelgį“ užsiminė ir A. Sniečkus LKP (b) CK plename 1947 m. lapkričio 27 d. (Plenume dalyvavo ir B. Fridmanas). Kalbėdamas apie tai, kad dar esama profesorių, kurie „įtakojami buržuazinės ideologijos“, Lietuvos komunistų vadovas „prisiminė“ V. Girdzijauską. Profesorius, – aiškino A. Sniečkus, – dar yra „buržuazinės ideologijos nelaisvėje“, o „praktikoje“ tai pasireiškė lietuvių studentų priešpriešinimu rusams¹¹.

Kietą principingo revoliucionieriaus poziciją B. Fridmanas demonstravo ir prof. I. Jonyno atžvilgiu. Pareiškime universiteto tarybai I. Jonyną pavadino „užkietėjusiu fašistu“, o tarybą, kurioje buvo sprendžiamas I. Jonyno klausimas, „parodija“¹². Partinio biuro posėdžio metu piktinosi, kodėl biure svarstomi komunistai, o ne tie, kas marksizmą-leninizmą iškraipo (tarp tokių minėjo ne tik I. Jonyną, bet ir E. Meškauską). Galiausiai 1949 m. sausio mėn. B. Fridmanas kolegoms partiniams pareiškė, kad kreipėsi laišku tiesiogiai į Staliną¹³. (Dvi telegramas pasiuntė ir M. Suslovui.) Deja, tie laišakai byloje neišliko. Sprendžiant iš įvairių kitų archyvinių dokumentų, kritikos „užspaudimu“, pasyvumu kovojant su „buržuaziais nacionalistais“, „susitaikėliškumu“ B. Fridmanas kaltino partijos universiteto biurą. Taip pat netiesiogiai ir Lietuvos KP CK, esą iš partinės vadovybės nesulaukiantis paramos ir pagalbos¹⁴.

Nežinia, kaip toliau būtų susiklostęs B. Fridmano likimas, jei VKP (b) CK, reaguodama į skundus, būtų sukūrusi specialią komisiją ir į Vilnių atsiuntusi savo emisarus situacijai išsiaiškinti. Tačiau B. Fridmano skundai „sugrįžo“ į Vilnių. Sunku būtų viena-reikšmiškai pasakyti, kodėl taip atsitiko. Visgi manytume, viena aplinkybė galėjo atlikti tam tikrą vaidmenį, dėl kurios Sovietų Sąjungos partinė vadovybė nusprendė „nuleisti“ klausimą LKP CK. 1949 m. sausio mėn. partijos oficioze „Pravda“ buvo išspausdintas redakcinis straipsnis. Formaliai jis buvo skirtas teatro kritikai. Jame grupė kritikų, pa-

¹⁰ Vilniaus valstybinio universiteto atviro partinio susirinkimo protokolas nr. 25, 1947 05 26, ten pat, f. 7017, ap. 1, b. 4, l. 23; Vilniaus universiteto pirminės partinės organizacijos susirinkimo protokolas nr. 27, 1947 09 15, ten pat, l. 36.

¹¹ A. Sniečkaus pranešimas LKP(b) CK XV plename, 1947 11 27, ten pat, f. 1771, ap. 10, b. 29, l. 35. Tiesa, A. Sniečkaus kalbos rankraštyje buvo bent trys kritiški epizodai apie prof. V. Girdzijauską. Tačiau du buvo išbraukti, matyt, A. Sniečkus kalboje apie juos neužsiminė. Taigi, liko tik vienas, pacituotas.

¹² Vilniaus universiteto partinio biuro posėdžio protokolas nr. 29, [1948 11 ?], ten pat, f. 7017, ap. 1, b. 8, l. 246–247v.

¹³ Vilniaus universiteto partijos ataskaitinio rinkiminio susirinkimo protokolas, nr. 7, 1949 01 17, ten pat, b. 16, l. 2.

¹⁴ Ten pat, l. 10–10ap; B. Fridmano laiškas A. Sniečkui, 1950 02 20, ten pat, f. 1771, ap. 77, b. 27, l. 114; B. Fridmano pareiškimas LKP (b) CK komisijos pirmininkei Zalužskajai, 1950 02 12, ten pat, ap. 90, b. 45, l. 205.

vadinti „kosmopolitais“, kaltinti „tarybinio patriotizmo“ stoka, „abejingumu liaudžiai“, „tarnavimu buržuazinei reakcijai“. Galiausiai „tėvynės neturintys kosmopolitai“ buvo prilyginti augalų pasaulio „parazitams“¹⁵. Nors straipsnyje tiesiogiai „kosmopolitų“ tautybė nebuvo įvardyta, tačiau, istorikų manymu, jame gana aiškiai išreikšta „antižydiška tendencija.“¹⁶ Tą patį sausio mėn. buvo suimtas V. Molotovo pavaduotojas S. Lozovskis, o netrukus ir kelių žymių partijos ir valstybės veikėjų, V. Molotovo, M. Kalinino, Stalino sekretoriaus A. Poskrebyševo, žmonos žydės. Anot tyrinėtojų, tai buvo kovos su „sionistiniu suokalbiu“ pradžia¹⁷.

Gavęs medžiagą iš Maskvos, LKP (b) CK sudarė specialią komisiją, kuri ėmėsi tirti B. Fridmano kaltinimus. Komisijai vadovavo Propagandos ir agitacijos skyriaus vedėjo pavaduotoja Marija Zalužskaja¹⁸. B. Fridmano „klausimo“ svarstymas užsitęsė beveik metus. Tokiai neskubiai eigai įtakos galėjo turėti kaltininko asmenybė – svarstytas senas ir ištikimas partinis (atrodo, kad dalis biuro narių jį asmeniškai neblogai pažinojo). Todėl „klausimo“ sprendimui norėta išsamiai ir kruopščiai pasiruošti. Gal įtakos turėjo ir kitos aplinkybės – galbūt Vilnius, A. Sniečkus ir jo aplinka atsargiai vertino vis labiau įsibėgėjančią kovos su sionizmu kampaniją ir todėl neskubėta. Taigi, apie priežastis ir motyvus galima tik spėlioti.

Pirmiausia biuras išklaušė M. Zalužskajos pranešimą. Deja, jis neišliko. Biuro nariai pasisakymuose B. Fridmaną kaltino įvairiais „nusikaltimais“: dėl blogai parengtų paskaitų, esą „neatskleidęs trockizmo reakcinės esmės“, marksizmo-leninizmo tiesų iškraipymu, neteisingais kaltinimais partinei universiteto organizacijai ir apskritai „priešpriešinimu savęs“ partijai, jos sprendimams. Griežtai sukritikuota B. Fridmano pozicija „senosios inteligentijos“ atžvilgiu. Kazimieras Liaudis jį pavadino „kairiuoju perlenkimu“. O Vladas Niunka B. Fridmaną elgesyje įžvelgė bruožų, būdingų „kosmopolitams“ – kaltinimai universitetui ir partinės organizacijos vadovams, nuolatinės kalbos apie tai, kad universitete persekiojami „žydų tautybės draugai“. Jokio persekiojimo nėra, tai išmonė, – aiškino V. Niunka, o B. Fridmanas ginąs „aiškius sukčius“. Paskutinis kalbėjo A. Sniečkus. Lietuvos komunistų partijos vadovas B. Fridmanui išsakė kelis svarbesnius priekaištus: kad „pasidavė smulkiaburžuazinei įtakai“ ir prarado „klasinį požiūrį į žydų tautybės asmenis“ (beje, tokiaame kontekste A. Sniečkus „priminė“ biuro nariams ir B. Fridmanui Žydų autonominės srities partijos komiteto sekretoriaus A. Bachmutskio „bylą“. Šis 1949 m. vasarą

¹⁵ Об одной антипатриотической группе театральных критиков, *Правда*, 1949 01 28, № 28.

¹⁶ Л. Л ю к с, *История России и Советского Союза от Ленина до Ельцина*, Москва, 2009, с. 359.

¹⁷ В. З у б о к, *Неудавшаяся империя. Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева*, Москва, 2011, с. 98.

¹⁸ Į Lietuvą M. Zalužskaja atvyko 1944 m. pabaigoje. Nuo 1948 iki 1952 m. LKP (b) CK Propagandos ir agitacijos skyriaus vedėjo pavaduotoja. 1949 m. LKP VI suvažiavime išrinkta kandidatu į CK narius. 1952 m. iš Lietuvos išvyko. Asmens byla, *LYA*, f. 1771, ap. 3, b. 4709, l. 2–2v.

buvo apkaltintas „buržuaziniu nacionalizmu“ ir pašalintas iš pareigų, vėliau suimtas). Antras kaltinimas – dėl „kovos su lietuviškuoju buržuaziniu nacionalizmu universitete“. Sekretoriaus įsitikinimu, B. Fridmanas su lietuviškuoju buržuaziniu nacionalizmu rimtai nekovojo, o tik „laikėsi įsitvėręs“ I. Jonyno ir V. Girdzijausko. B. Fridmanas su jam pareikšta kritika nesutiko ir dėl savo veiksmų neatgailavo. Biuro narių nuomonė buvo vieninga: pasiūlyta jį išmesti iš partijos ir atleisti iš universiteto. Tai ir buvo padaryta. Biuro nutarimą sudarė trys punktai. Viename teigta, kad B. Fridmanas „vedė antipartinę liniją ir priešpriešino save partinei organizacijai“, šmeižė sąžiningus komunistus. Kitame, jog biuro metu buvo nenuoširdus ir nepripažino savo kaltės. Galiausiai dar vienas skelbė: „Veikiamas žydų buržuazinio nacionalizmo B. Fridmanas iš esmės universitete su buržuazine nacionalistine ideologija ir jos konkrečiais reiškiėjais nekovojo, kartu nepagrįstai koneveikdamas senąją inteligentiją.“¹⁹

Dokumentas saugomas Lietuvos ypatingajame archyve: f. 1771, ap. 90, b. 45, l. 20–41.

Строго секретно

Протокол

Заседание бюро Центрального Комитета КП (б) Литвы

от 24 февраля 1950

Председательствовал т. Снечкус А. Ю.

IX. О члене ВКБ (б) т. ФРИДМАНАС.

Докл. т. Залужская

Выступ. тт. Фридманас, Нюнка, Прейкшас, Зиманас, Ляудис, Снечкус.

ПОСТАНОВИЛИ: ФРИДМАНАС исключить из партии за проявление еврейского буржуазного национализма. Формулировку продумать.

Поручить тт. Нюнке и Чистякову продумать вопрос об укреплении партийной организации Вильнюсского Госуниверситета.

Заслушать вопрос о работе кафедры основ марксизма-ленинизма на бюро ЦК.

Выступления по данному вопросу:

Тов. ФРИДМАНАС: Я 17 января прошлого года обратился с письмом на имя товарища Сталина, в котором указал о зажиме критики в партийной организации и примиренчестве в партийной организаций. От этих слов я не отказывался и не отказываюсь. Я считаю, что в партийной организации имеется зажим критики и примиренчество к носителям буржуазно националистических концепций. В этих заявлениях, которые по форме, допускаю, и плохи, где имеется ряд вольностей не нужных и, может быть, ряд глупостей, изложены все факты правильно, а в кавычки

¹⁹ Постановление бюро ЦК КП(б) Литвы, 1950 02 24, ten pat, ap. 90, b. 45, l. 190.

я беру не мои слова, а то, что мне приписывают. Я никогда не пытался выгородить себя и поставить себя против партийной организации.

На имя тов. Снечкуса 10 января прошлого года писал письмо, где я говорил, что я, как член пленума ЦК, несу больше ответственности, чем кто-либо другой. О том, что мы должны подняться с колен, я не могу делать такой вывод, что нет. Ряд фактов подтверждает это положение. Говорят, что на экономическом факультете, где я являюсь парторгом, дела обстоят плохо, где имеются выходцы из других партий. Эти списки имеются в ЦК и органах, которые интересуются этим вопросом. Я вовсе не говорю, что я свободен от примиренчества. Я не буду оправдываться, что руки опускаются и смотришь сквозь пальцы. Если за это примиренчество вы меня будете обсуждать и осуждать, мне это будет понятно.

Я никогда не утверждал, что в одном факультете. Я говорю в целом об университете и о том факультете, где я был парторгом.

О Левине тут уж вы немножко чересчур. Я поднял вопрос о Левине. Я, правда, не знал о деньгах, но я поднял вопрос о Левине, он плохо вел себя в вопросе о Гирдзияускасе. Этот вопрос поднял никто другой как тов. Залужская и она мне говорит, что в вопросе о Гирдзияускасе я выступал против ЦК, что меня вызывал т. Прейкшас три раза, будто бы и еще три раза будто бы т. Нюнка, что они мне дали линию поведения, что я выступал против т. Нюнка и т. Прейкшас. Заявление о том, что я его осудил как буржуазного националиста, совершенно неправдоподобно, потому что возник этот вопрос на открытом партийном собрании. До этого вопрос никогда не возникал и тогда он был узан нами, тогда встал вопрос об оценке его поведения. Никаких других вопросов не стояло.

В то время, когда я был членом партбюро, люди, которые выступали с критикой, были удалены из университета. Несколько человек. Несколько коммунистов выступали против. Были люди еврейской национальности. Я никогда не собирался и не собираюсь смотреть в анкету, кто он такой. Если он прав, я его защищаю. Если он неправ, я говорю то, что думаю, независимо от того, кто он – еврей, русский или литовец. Я этого просто не понимаю. На этом основании вы делаете вывод, что тут националистический подход. Покажите одного члена партии, которого исключили за критику и которого я бы не защищал, другой национальности. Мне кажется, мы должны поддерживать во всех отношениях коммунистов. (Тов. Снечкус: Если коммунисты ошибаются?). Я считаю, в тех случаях, когда коммунист прав. Любчанскую, Римбурга и Иоффе освободили не потому, что они евреи, а потому, что они сказали. Если бы они этого не сказали, они были бы в почете.

Тов. ЛЯУДИС: В своих лекциях вы не раскрывали реакционную сущность троцкизма.

– Я об этом говорил несколько раз. Я не защищал своих недостатков и ошибок. Тов. Залужская приводит лекцию 1947 года, когда у нас был заведующим кафедрой т. Зиманас.

Тов. Зиманас меня остро критиковал, указывал и по-моему кроме благодарности, я ничего не мог почувствовать.

15 ноября еще одна лекция. До сих пор вы мне об этой лекции не говорили, не упомянули. Кафедра обсуждала эту лекцию. Приходят четыре человека, – так называемое коллективное посещение лекции, слушают эту лекцию и тут же ее надо обсудить, потому что не стенографируется лекция. Прошло семь недель и через семь недель ставится на обсуждение лекция на основе записи, сделанной лаборантом. С другой стороны, на той же кафедре обсуждается план лекции другого товарища на ту же тему. Когда проходит семь недель, не помнишь, что ты говорил и вообще непонятно, зачем тогда обсуждать.

С места. – На память читаете?

– Был подробный план, по которому я читал, и принес с собой книги, из которых цитировал.

Насчет лекции „Еще раз о социал-демократическом уклон в нашей партии“. Я имел возможность говорить о ней в тот раз. Плохая лекция. Почему? Потому, что я взял первую часть доклада и старался изложить своими словами на литовском языке, не давая анализа, как я уже тогда говорил. По правде говоря, я начал читать на втором курсе только теперь, в сентябре месяце, до этого работал на первом курсе три года. Я не хотел взяться за чтение, это мне было навязано. Мне было дано согласие работать по совместительству. Я отказался по тем мотивам, что должен готовиться к другому курсу. Эта лекция получилась аполитичная, была передана с некоторыми упущениями и неточностями. Конечно, лекция плохая, слов нет. Но в этой лекции имеется целый ряд высказываний, которые не принадлежат мне. Например, в одном месте сказано, что противоречия в нашей партии представляют закон ее развития. Это явно троцкистское положение. Тут пропущено слово „преодоление“. Товарищ Сталин говорит, что преодоление противоречий является законом развития нашей партии. В трех других местах имеется это слово. Таких пропусков есть больше. Тов. Давтян говорит, что надо согласовать с товарищами, которые сидели на лекции – два члена кафедры, высказывал я это слово или нет. Помнят товарищи или нет? Я признаюсь, что я сам не помню, сказал я такое слово или не сказал. Но все товарищи, которые сидели там, они не чувствовали этих искажений. Может быть, отдельные упущения были, но на этом основании строить выводы, по-моему, несправедливо. Вообще так подойти к стенограмме нельзя, можно убить человека. Стенографы напишут, а потом тебе скажут – ты троцкист.

Об Ионинасе меня опрашивают – удалить Ионинаса или не удалять, на что я отвечаю примерно то же самое, как спросить у хирурга: отрубить руку или нет. Оказывается, что Повилайтис пишет то, что говорит Ионинас о нашей партии.

Тов. НЮНКА: После комиссии, т. Фридманас написал новое обвинение. Он обвиняет университет в том, что в университете была травля и гонение на коммунистов. Обвиняет т. Залужскую в том, что она своими сплетнями пыталась шантажировать руководящих работников.

– По этому вопросу я писал ясно. Первый вопрос об изгнании коммунистов. Эта самая Любчанская год мучилась, потому что она критиковала руководство университета, потом ей создали маленькое дело без оснований. Иоффе удален из университета. До удаления ему было создано искусственно партийное дело, строгий выговор за клевету и т. д., за то, что он сказал линия зажима критики Мальков-Давтян.

Райком снял это взыскание. Неправильно, нетактично было тогда освободить Римбурга. Я сам лично на партийном собрании сказал, что надо освободить его, если он плохо работает. Это слышала вся партийная организация. Тов. Давтян помнит. Оставить Ионинаса и изгнать члена партии – это политически неправильно, тем более Римбург говорил, что он из рабочих, неграмотных. Он окончил без отрыва от производства, инвалид Отечественной войны, 4 брата на фронте погибли. Человек советский, если судить по этим данным, если он не обманул. Он не хотел тогда признать, не признал авторитет тов. Давтян. Я считаю, что без оснований.

Я не буржуазный националист, ни литовский, ни еврейский. Я коммунист и чувствую на себе ответственность и понимаю вопросы, которые мне не дают ничего, кроме неприятностей. Иначе поступить я не мог. Так мне подсказывает партийная совесть. Зачем мне было выступать против Гирдзияускаса? А насчет тов. Залужекой...

Тов. СНЕЧКУС: Документ подписан комиссией, доклад сделан.

Тов. НЮНКА: Вопросом Фридманаса немало занимались не только в связи с расследованием, но и раньше. Был целый ряд фактов, показывающих неправильное поведение Фридманаса в отношении партийной организации университета, его неправильное отношение к старой интеллигенции. По этому вопросу немало было разговоров с Фридманасом до этого. При обследовании всего комплекса этих вопросов очень тщательно комиссия подошла, учитывая то обстоятельство, что Фридманас, старый член партии, участвовал в революционном движении в период буржуазной диктатуры, был ответственным работником, членом ЦК. Всесторонне этот вопрос рассматривался.

Что следует сказать о теперешнем поведении Фридманаса? Фридманас выставляет себя как человека, который хочет активно бороться против проявлений бур-

жуазно-националистической идеологии. На основании этого Фридманас бросает целый ряд обвинений работникам университета, членам партии в том, что, с одной стороны, людей не изжили, протаскивают националистическую идеологию, а некоторые коммунисты относятся примиренчески к буржуазным националистам.

Безусловно, вопрос о борьбе с проявлениями буржуазного национализма в университете на сегодняшний день является актуальным вопросом, еще имеют место буржуазно-националистические проявления и ЦК КП(б) Литвы на основании решения ЦК ВКП(б) по этому вопросу не один раз давал четкие указания партийной организацией университета, которые заключаются в том, чтобы действительно разоблачать проявления буржуазной идеологии, очищать университет от носителей буржуазной идеологии, не способных перевоспитаться, вести воспитательную работу, работу по воспитанию старой профессуры и работу по воспитанию новой советской интеллигенции.

Конечно, инициатива в этих вопросах каждого коммуниста должна быть оценена и поддержана. Но как Фридманас эти вопросы ставит? Он, обвиняя целый ряд людей в буржуазном национализме и примиренчестве к ним, взял широкий фронт, начиная от Ионинаса, которого он назвал фашистской сволочью, кончая заведующей кафедрой основ марксизма-ленинизма тов. Давтян, которую он в своем последнем заявлении называет беспринципной карьеристкой.

Фридманас говорит о примиренчестве к буржуазному национализму. Вел ли он на самом деле борьбу в университете? У него были большие возможности в университете. Он был направлен на работу в университет, работал на кафедре, был парторгом на экономическом факультете. Значит имел большие возможности. В чем выразилась эта борьба, о которой он все время кричит?

Комиссия просмотрела специально по всем документам о его поведении, о его работе в университете. Борьба против проявлений буржуазной идеологии, критика и самокритика не должны ограничиваться узко, они должны выноситься на ученый совет, на кафедры, факультеты.

Фридманас три года является членом ученого совета объединенных кафедр гуманитарного и экономического факультетов. За последнее время установлено одно выступление более обстоятельное и то это по одной лекции Ионинаса, где он действительно выступал в качестве рецензента этой лекции. Больше никаких выступлений его нет. Казалось бы много есть проявлений буржуазных, нигде не выступал, везде отмалчивался. По лекции Ионинаса выступал беззубо, ограничился общими рассуждениями.

В университете обсуждался ряд острых вопросов. Об этом Фридманас говорит – о Ионинасе, Гирдзияускасе, о диссертации Булаваса. Оказывается, Фридманас не выступал нигде по этим вопросам. Выступал целый ряд коммунистов, члены

комиссии, например, тов. Шармайтис, Давтян, Жюгжда, другие коммунисты выступали, которые подвергли резкой критике националистические вылазки. Фридманас отмалчивался, а потом вышел и говорит, что это была разыграна комедия.

Обсуждались некоторые ошибочные толкования, ошибки при защите диссертации Булаваса. Фридманас участвует. Отдельные товарищи выступают и подвергают критике недостатки. Фридманас отмалчивается, а потом выходит и говорит, – какое это безобразие, выпускают такую диссертацию, снова поднимает шум вокруг этого дела.

Метод непринципиальной большевистской критики, не занимался вскрытием недостатков, а общими разговорами и даже допускал по существу охаивание в целом. Дело не в Ионинасе. По существу, приклеивая ярлыки отдельным работникам, он охаивал людей, вместо того, чтобы, если он ошибается, раскритиковать его.

Надо сказать, что действительно Фридманас теперь, стараясь опровергнуть обвинение в том, что он допускал огульное охаивание интеллигенции, он ссылается на то, что именно на том факультете, где он был парторгом, этот факультет, как он называет его, без склок, почему на этом факультете все спокойно, хотя там работают ляудиники, эсеры, социал-демократы. Это как раз против него говорит. Там работают люди, которых надо остро критиковать. А он ни одного вопроса не поставил, во всяком случае это нигде не отражается. Это говорит против Фридманаса. Все разговоры, что он является единственным человеком, который борется против буржуазного национализма, являются пустыми разговорами. Он по существу никакой идеологической работы не ведет по разоблачению буржуазно-националистических проявлений, разных старых буржуазных концепций. Вместо этого он идет на огульное охаивание, охаивает отдельных работников, университет в целом. 20 января 1950 г. он пишет заявление (читает). Огульное охаивание.

В результате огульного охаивания, его подрывная работа по существу очень затруднила партийной организации вести работу по перевоспитанию старой интеллигенции и по разоблачению чуждых элементов. Фридманас, как выясняется из целого ряда документов, действительно острие направил против бюро партийной организации университета, пытаясь подтасовкой фактов, оперируя выдуманными фактами, пытаясь обвинить бюро парторганизации, что парторганизация вела неправильную политическую линию. На отчетном собрании парторганизации в прошлом году 17 января Фридманас выступил с предложением, чтобы признать политическую линию бюро парторганизации неправильной, а работу неудовлетворительной. Поддержки не получил. Потом он одно из своих предложений снял. Для эффекта он зачитывает письмо товарищу Сталину и говорит, что я решился в моей жизни на решительный, важный шаг, решил написать письмо товарищу Сталину и рассказать о том, что у нас бюро парторганизации неправильную линию ведет, примиренческую. Зачитал текст телеграммы (читает).

Конечно, каждый член партии может писать письмо. Это нельзя ставить в обвинение. Но тут были такие обстоятельства. Когда Фридманас зачитал это письмо, профессор Габриэлян поставил вопрос: раз вы поднимете вопрос перед товарищем Сталиным о работе партийной организации, почему вы этот вопрос не ставили в ЦК КП (б) Литвы? Он ответил, что должной помощи от руководящих организаций не получил. Он делает намек на ЦК партии. Он отрицал, что не на ЦК партии он намек делал, а имел ввиду другое. А на самом деле было так. Теперь это подтверждается его последним письмом. Действительно, неделю до этого отчетного собрания партийной организации, бюро ЦК обсуждало вопрос о работе парторганизации Вильнюсского университета. Бюро ЦК не оценило бюро партийной организации так и не дало такой оценки, что там была неправильная политическая линия, признало ряд существенных ошибок. Фридманас не признал решения бюро ЦК. Правда, он все время это отрицал, что я не имел ввиду решение бюро ЦК. Решение бюро ЦК было оформлено 21 января, после партийного собрания, но принималось еще 14 января. Теперь совершенно ясно, что этим письмом он хотел выступить не только против бюро парторганизации университета, но и против бюро ЦК КП (б) Литвы. Фридманас выражает несогласие с решением бюро ЦК (читает). Он теперь ясно высказал цель, что он тогда хотел выступить против решения бюро ЦК. После этого дает две телеграммы на имя товарища Сулова (читает). Выходит, коммунист имеет очень серьезные материалы, не находит нигде решения вопроса, хочет обратиться в ЦК ВКП(б). Когда из ЦК ВКП(б) эти материалы прислали, мы просили Фридманаса объяснить, какие же у него вопросы, по которым он хотел ехать в ЦК ВКП(б), в чем дело, что он видит в парторганизации. На это Фридманас на мое имя дает такую шпаргалку (читает). Теперь это же самое в разных вариантах повторяет в своих последующих объяснениях. Такое положение с Фридманасом и такое его поведение. Чем все-таки такое огульное охаивание университета, парторганизация объясняется? Вся эта линия поведения действительно напоминает критику космополитов, а в данном случае охаивание всего университета, руководителей парторганизации университета. В чем причины? Действительно мы Фридманаса знали с положительной стороны из нелегальных времен. Очевидно, Фридманас за последние годы находился под сильным влиянием националистической идеологии и постепенно стал скатываться с позиций марксизма-ленинизма на позиции буржуазного национализма.

Постоянные разговоры о том, что в университете преследуют товарищей еврейской национальности. Это же выдумка. Никакого преследования нет. С другой стороны, защита явных жуликов. Левин – жулик; проходимец Римбург; Любчанская – растратчица денег.

Это есть проявление буржуазного национализма. Фридманас подпал под сильное влияние буржуазного национализма. Для этого я имею основания, располагая

некоторыми другими фактами, которым раньше нельзя было придать какого-то значения. Например, мы знаем, что вопрос был поднят о еврейской школе, о томб что эту школу перевести на литовский или русский язык, что там были сионистские влияния. Фридманас на это болезненно реагировал, многократно ставил вопрос не как член партии, а поддерживал разные обывательские настроения, националистические настроения, раздувал это дело сильно.

Я считаю, что между практической линией Фридманаса и его преподавательской работой имеется теснейшая связь. Комиссия на основании данной лекции не установила, что троцкистская система взглядов была, но все-таки, если посмотреть уровень его лекций, то за последние годы не только не повысился этот уровень, а понизился. Если посмотреть характеристику работы Фридманаса раньше, то положительно не оценивался. Товарищ работал более трех лет в вузе. Никакой работы, только исключительно научная работа. За эти годы мог бы досконально овладеть марксизмом-ленинизмом. У Фридманаса проявилось равнодушие к теории марксизма- ленинизма и только этим равнодушием можно объяснить ту халатность, что можно прийти на лекцию со шпаргалками, находу взял произведения товарища Сталина на русском языке, тут же переводя на литовский. Это показывает безответственное, антипартийное отношение к чтению лекций.

Я считаю, что линия поведения Фридманаса несовместима с пребыванием его в рядах ВКП(б), Фридманас не дал внятного ответа о своих ошибках. Таково мое мнение.

О партийной организации университета. Действительно, Фридманас своим поведением много внимания отвлекал партийной организации от важных вопросов, концентрировал все эти перемены давно решенных вопросов, заставил партийную организацию частично отвлекать внимание от основной работы.

Но все-таки руководство партийной организации не оказалось на высоте положения. Хотя товарищи не один раз входили в пререкания с Фридманасом, но все-таки бюро партийной организации глубоко не разобрало поведение Фридманаса и не поставило принципиально этого вопроса. Поэтому действительно такая антипартийная линия Фридманаса могла проводиться продолжительное время.

Следует также сказать и о кафедре. Надо сказать, что в связи с делом Фридманаса выявляются очень порочные методы руководства в работе самой кафедры. На кафедре обсуждали эту лекцию и к каким выводам пришли: недостатки, расплывчатые, неточные формулировки, необходимые цитаты не прочитаны, разногласия неточно перечислены, а дальше мешанина, недостаточная связь с сегодняшним днем. Необходимо иметь записи с выписанными точно цитатами. Лекция прочитана на низком идейном уровне.

Надо от Фридманаса потребовать больше. Раз были сигналы раньше, что на низком уровне читает Фридманас, надо было больше проверять. Неправильный ме-

тод работы самой кафедры. Есть установленное правило, что надо систематически проверять работу преподавателей, не два часа, а несколько лекций записать и на основании этого можно глубже обсудить недостатки. Кафедра вскрыла недостатки в его лекциях, но надлежащих выводов не сделала.

О партийной организации можно было больше сказать, но в заключение я хочу отметить, что проверка дела Фридманаса заставила комиссию обратить внимание на целый ряд вопросов, вытекающих и связанных с работой партийных организаций. Очевидно, надо было бы в ближайшее время заслушать на бюро ПК состояние работы в Вильнюсской партийной организации.

Тов. БЕЛЯУСКАС: Поведение Фридманаса не искреннее, усугубляющее его антипартийный поступок.

Тов. ПРЕЙКШАС: Фридманаса я знаю давно, с 1932 года. Работал он давно в партии. У него путаница. Я еще помню в Москве, когда он был на лекторских курсах, там пришлось столкнуться, даже пришлось разговаривать с директором, он очень нелестно отзывался о Фридманасе, говорил о том, что у него большая путаница в мыслях и формулировках. Это относится к 1943–44 годам. Очевидно, путаница начинается с тех пор. Действительно, если послушать лекции его, тут иначе квалифицировать не приходится, сознательно это или несознательно, как троцкист. А если добавить его практические выступления, то получается теория и практика. Он является защитником и поборником тех, кто критиковал руководство, по его словам. Кого защищает Фридманас? Иоффе с явно националистическими взглядами, который прямо и открыто высказывался, что евреи все годные, их проверять нечего, что немцы сделали их революционными; Любчанскую, которую сняли за фальсификацию ведомостей средств. Это явная фальсификация фактов получается. Также нельзя. Мы же знаем все эти факты. Их сняли не потому, что они неправильно критиковали, а потому что они вели себя неправильно. Фридманасом приходится заниматься не первый раз. В райкоме, в университете. Как только обсуждение, выступает против, а чего хочет – не скажет.

Тов. Нюнка правильно сказал, что поведение его несовместимо с пребыванием в рядах партии.

Тов. ЗИМАНАС: Я должен сказать, что тов. Нюнка правильно оценил суть ошибок Фридманаса. Если взять сегодняшнее выступление Фридманаса, то кажется, действительно нельзя считать его партийным. Фридманас, в первую очередь, должен был дать какую-то оценку своих ошибок. Фридманас возмущается, что в университете не было борьбы против буржуазного национализма и было примиренчество к буржуазным националистам и выступает в роли товарища, имеющего патент на борьбу против буржуазных националистов.

В действительности, как он дает оценку своим собственным ошибкам. Он говорит: лекция плохая, аполитичная. Не дает никакой характеристики и не характеризует своих формулировок, о которых он даже сам не может сказать – были ли они или не были. И действительно, если взять так, то получается очень странно. Какие могут быть сомнения в том – дал ли он марксистскую формулировку или националистическую формулировку (С места. Это невозможно). Как он может сомневаться в этом и как он может подходить к этому вопросу равнодушно: дал ли он троцкистскую формулировку тут или дал он марксистскую формулировку.

Мне кажется, что в таком свете ошибки до Гирдзияускаса, может быть, даже меньше, чем такая ошибка, когда нет никакой оценки. Это говорит о том, что Фридманас не понял той критики и даже не хочет ее понимать всей этой критики и всего того вреда, который он принес.

Всех деталей дела я не знаю, но некоторые детали я знаю. Фридманас говорит о том, что Любчанская была уволена за то, что она критиковала. Это значит искажать истину. Любчанская выступала против многих людей. Ее критика была – самое низкопробное критиканство. Уровень лекций был крайне низкий. Ее долго терпели, поправляли, может быть, вина тут в том, что ее чересчур долго держали на кафедре. Свести это дело к зажиму самокритики – самое настоящее искажение.

Левинас. Фридманас говорит – я его не защищал. Фридманасу было поручено расследование этого дела. Со всей остротой он не поставил вопроса о проходимце и жулике, который принес величайший вред в университете. Римбург – точно его дел не знаю, но был уволен как жулик. Получается действительно подтасовка фактов.

Мне кажется, Фридманас выступал неискренно, когда сегодня он не заявил о том, что он не согласен с некоторыми постановлениями бюро ЦК. Здесь было место говорить об этом, если говорить о критике. Мне кажется, что правильно также и то, что эти ошибки не являются только результатом путаницы, а они являются результатом того, что Фридманас не мог противостоять влиянию еврейских буржуазно-националистических кругов, ущемленных советской властью и распространяющих клевету на советскую власть. Поддался и скатился. Действительная линия такая – много разговоров, что большие недостатки, большие ошибки, там то и то, тот такой и такой, а фактов нет. Получается действительно огульное охаивание. Мне кажется, что здесь нужно серьезные выводы сделать. Тов. Нюнка сделал правильное предложение.

Тов. ЛЯУДИС: Я внимательно прослушал доклад и выступление Фридманаса. Меня прямо удивляет, почему столько времени, три года, все это длилось. Мы видим из доклада и его выступления, что он в своих лекциях сознательно умалчивал вражескую роль троцкистов, не характеризовал их, как заклятых врагов советской

власти и нашей партии. У него не возникло это вчера или позавчера. Это в течение длительного времени.

Потом в отношении старой интеллигенции. Эти загибы влево, недоверие, дискредитация старой интеллигенции. Чем это можно объяснить? Что это – путаница? По-моему, это вполне сознательный подход для того, чтобы дискредитировать. Вот, мол, ЦК партии проводит линию такую в отношении старой интеллигенции, а я считаю ее неправильной. Такими своими действиями он поставил себя так по отношению к старой интеллигенции, что при рассмотрении и обсуждении старой интеллигенции молчит, а когда вышел, начинает обсуждать. Это прямое двурушничество. Это тоже подрыв.

Я не пойму, почему горком партии длительное время молчал, не разобрался и не принял самых решительных мер, почему так нерешительно и не так глубоко дело вскрыли? Говорят, что старый член партии, в подполье был, показал себя неплохо, но длительное время человек сознательно наносит вред партии и мы три года молчим. Бюро ЦК должно быть более решительным. Раньше немного надо было человека разоблачить и исключить из партии. Он три года дискредитировал партийную организацию университета, создавал нервность в работе парторганизации, нервность у специалистов профессоров, работающих в университете. Нужно было бы по этому вопросу раньше нанести такой удар.

Я поддерживаю предложение тов. Нюнки об исключении Фридманаса из партии, только, может быть, я неправильно понял тов. Зиманаса, что Фридманас был недоволен тем, что советская власть ущемила некоторую часть еврейских буржуазных националистов. Надо исключить Фридманаса из партии, как человека, который проводил враждебную линию по отношению к нашей партии.

Тов. СНЕЧКУС: Вопрос был сложный, а теперь он является ясным, по-моему. Мы следили за работой комиссии с тов. Нюнкой и советовались по всем вопросам, которые комиссия поднимала. В частности, тов. Нюнка дополнительно поставил перед комиссией задачу, чтобы со всей тщательностью разобраться. По-моему, комиссия правильно подошла, дав оценку Фридманасу, как антипартийному элементу. Прежде всего, действительно почему так долго мог Фридманас в университете вести враждебную политику, враждебную линию. Это, мне кажется, прежде всего, все-таки виновата партийная организация университета, в том, что там в самом деле настоящей большевистской критики и самокритики не было развернуто. Верно, он старый член партии, с 1932 года. Это, может быть, некоторым образом сдерживало партийную организацию, но партийная организация могла, мне кажется, яснее поставить и гораздо раньше вопрос. Все-таки до сих пор что там было известно? Мы знали по существу об отдельных антипартийных выступлениях Фридманаса в парторганизации университета и тем более он умело использовал ошибки

парторганизации. И это, видимо, некоторым образом приостанавливало от дальнейших выводов и партийную организацию, и достаточной ясности не было здесь у нас, в бюро ЦК.

Когда тов. Давтян здесь нам зачитала всю лекцию, более яркого документа не надо было. Это было ясное подтверждение о том, что Фридманас стоит на антипартийных позициях. И тогда уже лично мне, например, ясно стало, что с Фридманасом, видимо, надо решать вопрос по-серьезному.

Если рассмотреть работу Фридманаса с тех времен, когда я его знаю, примерно с 1937 года, то-есть с периода последних лет существования буржуазной Литвы, я знаю его как честного человека. Так он честный человек, но я уже и тогда, на прошлом заседании бюро, говорил о том, что у него очень много было мелкобуржуазных влияний.

Прежде всего, мелкобуржуазных еврейских влияний по вопросу, например, о работе среди еврейского населения; по вопросу вообще оценки так называемого еврейского вопроса у него очень много было ошибок. Поддавался иногда националистиченким влияниям. Надо сказать, насколько известно, он не группировал евреев-коммунистов. Не было таких случаев, чтобы надо было делать квалифицированные выводы. А между тем в партийной организации некоторые коммунисты-евреи были настолько эксцентричны, что надо было исключать из партии.

Взять 1939 год, когда был заключен пакт о ненападении между Советским Союзом и Германией. Некоторые коммунисты-евреи встали против внешней политики Советского Союза. Мы терпеливо разъясняли, поскольку сами понимали и получали некоторые материалы, что здесь должна быть правильная оценка, правильный подход к этому пакту, а они брали как признание, так сказать, внутренней политики Германии по существу и мы некоторых исключили из партии, даже очень старых членов партии и заслуженных даже в прошлом. Фридманас к этим не принадлежал и в антипартийных группировках не участвовал, но все же у него мелкобуржуазные влияния были.

Что касается прошлого, взять вопрос о его теоретической работе. Действительно, мне кажется, надо формулировать так, что это грубые искажения в преподавании теории марксизма-ленинизма, по существу граничат или не граничат, а являются искажениями троцкистского характера. Дело другое, с точки зрения организационной троцкист он? Это может быть дальнейший вопрос, но может привести Фридманаса даже и к таким троцкистским группировкам, поскольку он делал здесь такие грубые искажения троцкистского характера, что собственно ничем нельзя объяснить.

Я прочитал эту лекцию: товарищ Сталин хотел доказать, хотел показать. Все такие формулировки. Мне кажется, даже начинающему человеку и то режет ухо,

что это неправильно. Мне кажется, что тов. Нюнка совершенно правильно указывал, что столько лет на преподавательской работе и так относится халатно к своим обязанностям – это значит по существу быть противником теории марксизма-ленинизма, иначе трудно себе объяснить.

Все возможности были и помощь была, но Фридманас этим не воспользовался.

В отношении подхода к людям еврейской национальности. Мы это в свое время отмечали и в прошлом году весной отмечали это, что среди некоторых коммунистов, я буду говорить о коммунистах, были такие взгляды, и не только у евреев, но были даже у многих литовцев, что евреи сильно пострадали в период немецкой оккупации, были известные жертвы и т. д. Собственно действительно потерялся классовый подход к людям еврейской национальности. И когда мы в прошлом году выселили группу из Вильнюса и Каунаса евреев, в прошлом выходцев или просто владельцев предприятий, имущества и т. д. людей буржуазии, среди определенной части коммунистов евреев явное было недовольство. У меня данных нет, как Фридманас держал себя тогда в этом отношении, но я все-таки склонен утверждать, что, видимо, он не приветствовал это выселение, ибо действительно у него классового подхода не было к людям еврейской национальности. Об этом говорит целая галерея людей, которых он защищал, при том такого Левина-проходимца, который более или менее честного еврея не терпел. Я рекомендовал на кафедру Штейнаса. Так он не хотел его принимать. Это рекомендация тов. Снечкуса, так он будет шпионить. Левин так высказывался по отношению к человеку еврейской национальности.

Мне кажется, это показывает, что не было классового подхода к людям еврейской национальности. Его одно заявление есть характерное, которое он писал 22 сентября 1947 года (читает). Тогда я не мог расценить по-настоящему этот документ. Теперь всем известно, что Бахмутский исключен из партии, как еврейский националист (это бывший секретарь обкома Еврейской автономной области). Дело не в этом. Фридманас, допустим, мог не знать. Но такой подход. Он являлся в 1947 году членом ЦК КП(б) Литвы. И вот человек ставит вопрос – первую в мире еврейскую государственность, даже ни слова о социалистическом строительстве. Если уж такое торжественное заявление, надо было бы хотя бы сказать туда ехать во имя строительства социализма. Нет даже слова социализм. Имеется только одна сторона – еврейская государственность и все.

Вам, т. Фридманас, известно, что коммунисты, прежде всего, коммунисты, а потом уже думают о национальностях. А здесь такой подход узко национальный, если не националистический. Я должен сказать членам бюро ЦК еще и о другом, о поведении Фридманаса во время войны. Фридманас вначале был в армии, но попал,

не помню, при каких обстоятельствах, можно сказать случайно. Месяц он побыл в районе Смоленска при отступлении и потом у нас связь была с ним. Поскольку Фридманас бал старым подпольным работником, мы думали о том, что он мог бы поехать сюда, в Литву на подпольную работу. Он изъявлял такое желание. В группе второго секретаря ЦК Литвы он и состоял. Эта группа не могла выехать, ему не хватило выдержки и он в Пензе заявил об отказе поехать в Литву на подпольную работу. Тогда второй секретарь сказал – не оставлять его, нам не надо таких. Так и расстались. Он тогда еще использовался нами. У него проявилось малодушие, но с того времени мы не могли думать о том, чтобы его поставить на ответственный пост. Наше отношение к Фридманасу изменилось. Если все суммировать, то можно сказать, что все же из своей мелкобуржуазной скорлупы Фридманас не вышел и сегодня это все доказывает – и его работа на этом теоретическом участке, и его практические действия.

Должен сказать пару слов о борьбе против литовских буржуазно-националистических взглядов. Мне кажется, товарищи здесь явно заблуждаются и явно неправильно ставят вопрос, в том числе и тов. Ляудис, когда говорит об Ионинасе и Гирдзияускасе, сразу же говорит – знаете ли отношение партии к старой интеллигенции. Отношение партии к старой интеллигенции было определено со всей очевидностью и ясностью в 1946 году на XI-ом пленуме ЦК КП(б) Литвы после известного решения ЦК ВКП(б). Там сущность та была сказана, что к огульному перевоспитанию всей интеллигенции коммунисты подходить не могут, не могут считать, что можно всю старую интеллигенцию перевоспитать, что терпеливое разъяснение должно быть и должно нами вестись, но вместе с тем – острая борьба против буржуазно-националистических взглядов и создание новой советской интеллигенции.

В чем политическая ошибка в этом деле? В том, что они уцепились за Ионинаса и Гирдзияускаса, а по существу-то вопросов борьбы с буржуазным национализмом и Фридманас не ставил, и нет таких вопросов. У тов. Нюнки есть такие материалы, мы посмотрели все, насколько могли, более или менее внимательно. Вдумчивой работы по разоблачению литовских буржуазных националистов в университете со стороны Фридманаса нет.

Уцепились за Ионинаса. Действительно здесь была ошибка, сделана со стороны партийной организации. Мы отдельно об этой ошибке поговорим. Ошибка грубая, потому что партийная организация лица своего не показала, что скажет ученый совет, что скажет представитель ЦК на ученом совете. Может быть, четких указаний не было со стороны ЦК, но если уж так хотят использовать промахи партийной организации в отношении Ионинаса и Гирдзияускаса, так что у нас они в центре внимания ЦК Литвы и партийной организации были как положительные элементы, как положительные люди? Нет. Ионинаса уволили с заведывания кафедры. Это

большое наказание было старому профессору, известному историку. В университете оставили. Но значит ли это, что мы должны у Ионинаса исповедываться? Нет. Надо ли бороться против взглядов Ионинаса? Надо. Тов. Давтян приводила пример о том, что он при последней диссертации дал правильный ответ. Я бы не смотрел это как на систему и подошел бы очень осторожно.

В отношении Гирдзияускаса. Он в Академии наук. Политическую характеристику положительную ему не даем. Он специалист, работает, пусть работает. За ним нет ничего, что побудило бы нас уволить его или какие другие выводы сделать, но если мы его держим, то это не значит, что мы поддерживаем Ионинаса, Гирдзияускаса, как таковых. Против них должна вестись борьба там, где они будут высказывать свои буржуазно-националистические взгляды и будут проводить эти взгляды. Мы не считаем, что они перевоспитались. Они наказаны. Гирдзияускас был министром здравоохранения, председателем Красного Креста. Мы с таких постов сняли его, потому что у него были проявления националистического характера, его отношение к студентам и т. д. Жемайтис, группа одна идеологическая по существу.

Мне кажется, если все резюмировать, за эти грубые искажения в преподавании марксизма-ленинизма по существу троцкистского характера, за антипартийную и склочную работу в парторганизации, за проявления еврейского буржуазного национализма Фридманас заслуживает исключения из партии.

Пару слов об антипартийной, склочной работе. Антипартийность и склочность везде и всюду. Нет никакой самокритики. Я видел всяких людей, вышедших из равновесия, но чтобы такое отношение было у коммуниста, я даже не представляю. В его заявлениях так просто чувствуется такое злобное дыхание, что, мне кажется, по одному этому в партии он быть не может.

Я предлагаю исключить из партии Фридманаса, поддерживаю предложение тов. Нюнки.

Какие будут предложения? (С мест – Принять).

Кто против? Нет.

Кто воздержался? Нет.

Считаю исключенным Фридманаса из рядов ВКП(б).

Вопрос о партийной организации обсуждать трудно, но комиссия пришла к выводам, не лестным для партийной организации. Парторганизация не на должной высоте. Руководство очень слабое. Тов. Симонавичюс по существу лица не имеет и он не руководит. Он в отделе пропаганды и агитации долгое время работал. Как товарищи могли рекомендовать в университет его? Еще во время борьбы с космополитами он сделал грубость, рассказывал, опираясь на товарища Сталина (т. IV), студентам пединститута о еврейском погроме. Там он своего места не нашел, нет у него партийной линии. Он не объединяет людей. Положение очень плохое.

Мне кажется, что у тов. Давтян в этом отношении тоже есть некоторые ошибки. Она мало старалась развивать самостоятельность в бюро парторганизации, а между тем надо было активизировать бюро парторганизации. Эту самостоятельность тов. Давтян кое-где подавляла. Это с Тауринским частично было. Мне кажется, что о секретаре парторганизации надо поставить вопрос как можно быстрее.

Поручить тов. Нюнке и тов. Чистякову продумать вопрос об укреплении партийной организации Вильнюсского госуниверситета.

Надо заслушать вопрос о работе кафедры. Если такие ошибки были, надо приписать кафедре вообще те ошибки, которые были в университете. Тов. Давтян, как заведующая кафедрой основ марксизма-ленинизма, должна отвечать за все положение, которое имеется в университете. С другой стороны, как человек который имел большое влияние на бюро парторганизации, на секретарей. Надо заслушать и о работе кафедры, и другой вопрос. Мне кажется, у Фридманаса некоторая правда есть та, что кое-кто из руководства, если не сказать вообще, бюро парторганизации, все-таки тянулся в хвосте.

Взять теперь. Что, мало националистических выступлений? Украли университетское знамя – полковое знамя. Националистические листовки. Но борьбы в последнее время по-настоящему не вели, а между тем мы все-таки знаем, что некоторые люди все же настроены против нас и они не находятся, сложа руки, в спокойном состоянии, а в университете разоблачения конкретных носителей буржуазно-националистических взглядов нет. Известно, что есть много выходцев из всяких других классов, известно, что некоторые действительно придерживаются антисоветских взглядов. Мы один раз список видели большой. Мы не за то, чтобы массовую чистку там сделать. Никто нас не ориентирует на это. Однако борьба с одним- другим человеком, чтобы больше результатов достичь в перепоспитании старой интеллигенции, должна быть. А этого в университете нет.

По вопросу Ионинаса вы в хвосте были. Он использовал ваш промах. У тов. Бучаса все-таки большой мир. Не поймите так, что мы должны что-то массовое делать, шумиху, но кропотливая идейная, глубокая работа нужна. Не значит, что каждый раскритикованный должен быть уволен, но надо знать таких людей и бороться с ними.

Этого в университете по-моему нет. Это все вызывает необходимость поставить вопрос на бюро ЦК после тщательного обследования с товарищами вместе, но вопросы очень глубоко надо поставить.

Тов. ГЕДВИЛАС: Надо правильно разъяснить наше решение в университете.

Тов. СНЕЧКУС: Партийная организация должна разъяснить решение на ученом совете и то еще надо продумать, как поставить вопрос, чтобы не было здесь и другой стороны – победы Ионинаса.

Тов. НЮНКА: Прежде всего, партийной организации самой надо разъяснить.

Тов. СНЕЧКУС: Формулировку решения надо еще продумать.